

Таджикистан: обвинители бросают вызов судам

Author: [Nargiz Hamrabaeva](#)

Действуют ли обвинители в интересах общественности или защищают свои собственные, обвиняя судью в совершении правонарушений?

Уже не в первый раз суд Таджикистана обвиняется в вынесении чрезмерно жесткого наказания. В последнем случае жалоба исходит от надзорной службы, которая обычно не стремится добиться снисходительности.

Некоторые аналитики говорят, что обвинители правы в попытках остановить судебную власть, увлекшуюся вынесением слишком жестких приговоров. Другие же считают, что прокуратура просто пытается ослабить судей в преддверии судебных реформ.

10 июня в городе Худжанд на севере республики завершилось судебное расследование, по результатам которого 29 человек были приговорены к срокам от 10 до 25 лет тюремного заключения по обвинениям в убийстве, отмывании денег и хранении оружия. Еще двое подсудимых получили по два года заключения, и были освобождены от уголовной ответственности по амнистии.

Все обвиняемые – их 31 человек – были обвинены в участии в организованной преступной группировке Низомхона Джураева, местного олигарха из города Исфары и экс-депутата Маджлиса северной Согдийской области, разыскиваемого по обвинениям в крупных хищениях. Сейчас он находится в бегах.

Преступления, в которых их обвиняют, были совершены с 1998 по 2007 годы, когда местный прокурор начал дело против Джураева, обвинив его в использовании бандитской тактики для насильственного присвоения или «приватизации» объектов, включающих в себя консервный комбинат и другие индустриальные объекты, гостиницы и кафе, нескольких газозаправочных станций, особняки и квартиры.

С первого взгляда трудно понять, почему прокуроры оспаривают удачный результат рассмотрения дела, которое они сами начали против опасной и жестокой группировки. Некоторые подсудимые обвинялись в убийстве заместителя генпрокурора республики Толиба Бобоева в 1999 году.

Несмотря на это, на пресс-конференции, прошедшей 7 июля в Душанбе, генпрокурор Таджикистана Бободжон Бобохонов назвал вынесенный вердикт «незаконным и несправедливым» и заявил, что подал протест в Верховный суд.

«Я впервые в своей практике столкнулся с таким несправедливым судом, - заявил Бобохонов. - Еще на предварительном следствии обвинения в организации преступного сообщества были сняты. Однако эта статья стала главной в обвинительном приговоре, что говорит о том, что суд проигнорировал материалы следствия. В результате, были вынесены слишком суровые приговоры».

Через два дня после пресс-конференции Бобохонова судья Верховного суда Нур Нуров, председательствовавший во время судебного разбирательства, отклонил доводы Генерального прокурора.

«Что касается заявления Бобохонова, то правовую оценку судебному процессу может дать только коллегия Верховного суда», - сказал он.

По словам Нурова, судьи, если необходимо, по закону могут выносить более строгое наказание чем то, которого требовали прокуроры.

Он добавил, что часто складывается неверное представление, что «если прокурор просит, допустим, 2 года, значит, приговор будет более мягким». На самом деле, сказал он, в его практике было дело, когда прокурор просил 14 лет, а в результате был вынесен смертный приговор.

«Все это законно», - сказал Нуров.

Мнения аналитиков в этой ситуации разделились.

Парвиз Муллоджанов, например, сказал, что суды Таджикистана регулярно выносят неоправданно строгие наказания. И в данном случае дело было замечено лишь потому, что обвинители опротестовали наказание.

«Никогда прежде, во всяком случае, на моей памяти, прокурор не подвергал публичной критике судью за слишком жесткий приговор. Как правило, происходит обратное – прокуратура настаивает на более суровых мерах наказания», - сказал он.

Юристы говорят, что в деле были допущены ошибки.

Основной причиной того, что почти все подсудимые получили такие длительные сроки заключения, стал тот факт, что они занимались организованной криминальной деятельностью. В результате обвиняемые в экономических преступлениях получили такое же наказание, как и обвиняемые в убийстве.

«С самого начала судебного разбирательства необходимо было выделить эпизод убийства в отдельное производство», - сказал юрист, пожелавший остаться неизвестным.

Родственники некоторых обвиняемых сказали IWPR, что валить в одну кучу всех подсудимых было неправильно.

По словам Умеда Ваххобова, обвинитель просил 7-летний срок заключения для его брата Ганиджона, таможенника, обвинявшегося в нанесении материального ущерба в размере 2300 долларов, однако в итоге срок оказался в три раза длиннее.

«В ходе следствия обвинение в членстве преступной группировки Джураева не нашло подтверждения», - сказал Ваххобов.

Брат другого обвиняемого, Сайфиддина Вафоева, сказал, что тот получил 20 лет вместо рекомендовавшихся трех. В его адрес также не было предъявлено обвинений в организованной преступности.

Другие аналитики отмечают, что противостояние между Бобохоновым и судебной властью в то время, когда служба уголовного преследования стремится сохранить свои полномочия, которые могут перейти к суду в рамках законодательных реформ, завершится к следующему году.

Несмотря на то, что уже было принято законодательство по таким аспектам как гражданское право и экономические правонарушения, кодекс о том, как рассматриваются и решаются уголовные преступления, до сих пор находится на обсуждении.

Аналитик Абдулло Курбонов считает, что нападки Генерального прокурора на судей Верховного суда выглядят подозрительно, как попытка показать, что судебная система не может справиться с дополнительными задачами.

Реформы позволили бы Таджикистану прийти в соответствие с общей международной практикой, когда ордер на арест выдает судья, а не обвинитель, как это сейчас происходит в стране.

«Скоро, в соответствии с новым уголовно-процессуальным кодексом, ордер на арест будет выдавать только суд, - говорит Курбонов. - Поэтому прокуратуре очень важно показать главе государства некомпетентность судей и найти другие нарушения законности в деятельности судов».

По словам Курбонова, существующее законодательство дает обвинителям «практически неограниченные права, и статус неприкосновенности всем сотрудникам прокуратуры», что, по его мнению, означает «вседозволенность».

Черта, оставшаяся от судебной практики советских времен, означает, что в Таджикистане обвинители могут контролировать процесс в зале суда и практически руководить процессуальными действиями и результатом.

Признавая, что суды совершают ошибки и преступают черту, Курбонов сказал, что текущему обсуждению нельзя позволить помешать общей тенденции к проведению реформ, даже в случае, если коллеги Нурова по Верховному суду отменят его решение.

Шокирджон Хакимов, оппозиционер и заведующий кафедрой права и международных отношений Международного университета Таджикистана, согласен с тем, что обвинителям следует «подрезать крылья».

Сейчас, говорит он, «выдача санкций и ордеров на арест являются компетенцией исключительно органов прокуратуры, которая также имеет право осуществлять надзор за деятельностью судов».

«Однако в условиях правового государства последнее слово должно оставаться за судами», -

говорит он.

На сегодняшний день обвинители по Худжандскому делу подали апелляцию в Верховный суд. Пока неясно, ответит ли суд на протест Бобохонова отдельно.

Генеральный прокурор предупредил, что если Верховный суд не отменит наказания, Генпрокуратура оставляет за собой право преследовать судью Нурова в судебном порядке.

Наргиз Хамрабаева, корреспондент новостного агентства «Азия Плюс».

Location: Tajikistan

Source URL: <https://iwpr.net/ru/global-voices/%D1%82%D0%B0%D0%B4%D0%B6%D0%B8%D0%BA%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD-%D0%BE%D0%B1%D0%B2%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B8-%D0%B1%D1%80%D0%BE%D1%81%D0%B0%D1%8E%D1%82-%D0%B2%D1%8B%D0%B7%D0%BE%D0%B2-%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D0%BC>